

Так поётся в финальной песенке его спектаклей. И восторженный петербургский зритель, однажды подпавший под магию его искусства, перетекает из Большого концертного зала "Октябрьский" во Дворец культуры имени М. Горького, а оттуда вслед за любимым артистом снова в "Октябрьский"... А по воскресеньям встретиться с ним можно и "под крышей дома своего". Стоит только в урочный час включить телевизор... Называя его, нет необходимости добавлять "народный". Это понятие неотрывно от его имени — Евгений Петросян.

- Евгений Ваганович, в одном из интервью вы сказали — цитирую дословно — "Изучая психологию зрительного зала..." Поделитесь, пожалуйста, не результатами, нет — наблюдениями.

- Зрительный зал — существо загадочное. О сущности его задумывались многие артисты и режиссеры, в том числе Константин Сергеевич Станиславский. Я считаю, что это единый организм, единое биополе и единое чувство юмора, единый интеллект. Поскольку жанр эстрады построен на прямом взаимодействии артиста со зрительным залом и зрительного зала с артистом, то артист волей-неволей, даже подсознательно, ничего не анализируя и не пытаясь сформулировать научно или не научно и эмоционально не пытаясь сформулировать, изучает жизнь, психологию зрительного зала. Я написал целый ряд трудов — больших, научных — по психологии зрительного зала. В них вы найдете ответ на свой вопрос.

- И тем не менее... Какие-то выводы вы для себя сделали!

- Безусловно, безусловно. Прежде всего нужно прийти к взаимопониманию со зрительным залом. А для этого надо любить зрителя, уважать его. Уважать, как партнера, уважать, как объект, ради которого ты выходишь на сцену. Нужно знать, что зрителя волнует сегодня, что ему нужно сказать сегодня, и что сегодня ему неинтересно. Если артист перестает чувствовать это, он может потерять себя. Даже если он очень талантлив. Я знаю таких артистов. И вы их тоже знаете.

- Существует расхожая версия, что некоторые артисты вашего жанра выбирают в зале, скажем так, самого глупого зрителя и пытаются "на него" построить свою работу.

- Это дурацкая легенда. Если говорить о себе, то я зрительный зал на лица не разделяю. Я их не вижу. И слава Богу. В молодости видел и иногда рассматривал. Это только мешало работе. Сейчас для меня зрительный зал, как я уже сказал, единое целое. А ориентироваться "на глупого" — это не профессионально, это... ерунда.

- Обязан ли юморист быть философом?

- Ну, об этом можно писать книги. И не одну, а десятки. Что такое юмористическая философия, что такое юмор вообще.

- Философия юмора.

- Да, философия юмора. И, кстати, много книжек уже на эту тему написано. Просто не все знают об их существовании. Юмор — удивительное явление. Я думаю, даже люди с заниженным чувством юмора, тянутся к нему. Потому что юмор — это источник радости. Он многогранен, многоцветен — так же, как и вся наша жизнь. Он несет в себе особый психологический заряд. Заряд не оптимистического толка и не пессимистического, а — реалистического! Юмор всегда нацелен на середину.

А посередине расположена, как вы знаете, истина. Юмористический взгляд на жизнь — это тоже философия. Но, главное, юмор призывает всегда к радости, к добру. Он всегда дарит надежду. Вот, к примеру, 1937 год, сталинские репрессии... И вдруг — фильм "Веселые ребята". Как салют в темную ночь! Как напоминание и как призыв: "Не унывай! В жизни есть еще и такое..." Да, в жизни всегда есть что-то радостное. А что такое юмор в блокаде?! Бомбежки, обстрелы, голод, холода.

Рос Театр. Газ. Театр. Ведомости — 2001 — № 8-9 (авг. — сент.) — с. 73.

Евгений ПЕТРОСЯН:

"Надолго, зритель мой, не стоит нам прощаться..."

под, никакой, вроде бы, надежды на спасение — и вдруг веселое слово! И человек улыбнулся! Разве это не философия?

Юмор бывает и развлекательным, и утешительным. И терапевтом, и проповедником. Но юморист не должен быть ни учителем, ни проповедником. Об этом говорил Марк Твен. Юморист должен проповедовать, но не быть проповедником. Он должен учить, но не быть учителем. Марк Твен абсолютно прав. Ты, юморист, делай, свое дело. Комментируй, скажем, сегодняшнюю жизнь. (Юмор — это важно! — еще и комментатор жизни!) Только не надо действовать напрямую.

- Получается, что "юмор и злодейство — вещи несовместные"?

- "Юмор и злодейство" — это немножко искусственная фраза. Я понимаю, что вы перифразировали Александра Сергеевича. Могут быть и "совместные". Хотя, я не люблю такой юмор. Юмор злодеев я не люблю. Ведь что такое юмор? Юмор — это отход от нормы. У злодеев, наверное, своя норма. Значит, есть свой отход и, наверное, есть свой юмор. Он мне чужд. Я считаю, что это вообще не епархия искусства. Настоящее искусство всегда призывает к добру. Если нет призыва к добру, значит, это не искусство, а что-то другое.

- Как вы считаете, в юморе есть запретные темы?

- Нет, для юмора нет запретных тем. Даже если вы ему прикажете: не ходи туда! Он все равно пойдет, все равно.

- Евгений Ваганович, вы о юморе говорите, как о живом человеке.

- Я говорю как о явлении, которое существует само по себе. По существу же вопроса... Вопрос правильный, но не совсем точно сформулированный. Я бы не так спросил. Есть ли вещи, над которыми нельзя смеяться? Я всегда говорил о том, что значение шутки зависит от контекста. Под контекстом я понимаю все: и обстоятельства, при которых рассказывается шутка, и кем рассказывается, и какая эпоха на дворе, и многое другое. Матерная, неприличная шутка в приличном обществе недопустима. А перекиньте ее в окопы Сталинграда, в 43-й год, перед наступлением — она уже нравственна. Все зависит от того — как, кем и когда. Шутка — это краска. И будьте добры

положите ее на нужное место. В этом заключается талант художника.

- Как вы думаете, могут ли отдельные зрители почувствовать себя обиженными после вашего концерта? Хотите вы того или не хотите, но в любом случае, вы задеваете какие-то клановые или профессиональные качества человека.

- Я понял ваш вопрос. Да, в советские времена, если скажешь о таксисте, — обижались все таксисты страны. Такие

случаи у меня были. А сейчас за профессию не обижаются. Это, во-первых. А во-вторых, наш народ достаточно самоироничен. И, в-третьих, происходит удивительная вещь, опять же психологического плана. Человек не проецирует услышанное на себя. Даже, если именно его недостатки артист сейчас высмеивает, он всегда скажет: "Здорово вы их!"

- Евгений Ваганович, вы часто подчеркиваете, и это, должно быть, и в самом деле так, что все ваше время подчинено профессии. То есть, получается, это уже не профессия, а образ жизни.

- Да, это вы очень точно сказали.

- Я хотел спросить вот о чем. Скажем, Менделеев открыл Периодическую систему во сне, у поэтов рождаются гениальные строчки. Вас во сне "муза" не посещает?

- А как же! Я об этом не раз говорил в разных интервью. Мне иногда мой репертуар снится. Я не считаю, что это сумасшествие. Я считаю, что это нормальный образ жизни, нормальное состояние творческого человека. Но озарений во сне пока не было! (Смеется). Хотя, надо сказать, что свою теорию комического я для себя сформулировал. Она в моей книге "Хочу в артисты" достаточно ярко описана. И, вы знаете, как и в таблице Менделеева, многое сложилось в единую логику.

- Сейчас, когда вы работаете вместе с супругой, с Еленой Степаненко, вы не устаете друг от друга? Как ни как, 24 часа — и один жанр, одни темы. Два человека — четыре стены.

- Нет, это не правда. Во-первых, у нас не четыре стены, а гораздо больше. Во-вторых, Елена Григорьевна часто выступает со своими сольными концертами. Недавно она вернулась из Саратова, сейчас собирается в Краснодар — одна. Я еду в Минск — один. Но бывает

так, что мы, как в "Семейных радостях", играем вдвоем.

- Разъезжаетесь в разные стороны не для того, чтобы отдохнуть друг от друга?

- Нет, ну почему же. Каждому артисту интересно выступить с сольным концертом. А сатирик Степаненко — мое детище. Как режиссера. Поэтому я рад за нее. Она молодец! Дай Бог, чтобы так было и дальше. Конечно, я стараюсь быть и критичным, далеко не

все воспринимается мной в розовых тонах.

- Приходилось стучать кулаком по столу?

- Ну, естественно, естественно.

- И находите компромиссы!

- Я — режиссер, она — актриса! Какие могут быть компромиссы!

- Евгений Ваганович, в заключение нашей беседы, пожалуйста, несколько слов о нашем городе. Ваши любимые места!

- Во-первых, Петербург — не "ваш город", а "наш город". (Смеется.) Если собрать все мои гастроли воедино, то получится, что я года три жил в Ленинграде. Я его люблю не меньше, чем вы. Во-вторых, я очень болею за него, и мне хочется, чтобы он отремонтировался активнее раз в тысячу. В-третьих, мне хочется, чтобы сохранилась концертная жизнь в этом городе, которая была потрясающей, она теплится и сейчас. Что касается моих любимых мест... Вы знаете, здесь, где бы я ни находился, что-то мне о чем-то напоминает. По этим улицам я бродил с моим учителем Леонидом Осиповичем Утесовым. Здесь жил и творил Аркадий Исаакович Райкин, а значит, есть и близкие мне райкинские места. Здесь любимые мною театры, здесь много не требующих никаких комментариев музеев. Здесь пушкинские места, между прочим.

- Почему "между прочим"?

- "Между прочим", как вы понимаете, в кавычках. В Петербурге все пишется историей России за последние триста лет. Поэтому тот, кому дорога история России, не может равнодушно ходить по этим улицам. Дай Бог, чтобы все было хорошо в вашем — в нашем! — городе. И чтобы мы почаще встречались!

Владимир ЖЕЛТОВ

Петросян Евгений (18-9) 01 (авг-сент)